

## Как трудились русские связисты во второй половине XIX - начале XX вв.

Электросвязь в России зародилась в середине XIX в., когда началось быстрое устройство телеграфных линий по территории страны. В последней четверти этого столетия появились первые телефонные сообщения, в начале прошлого века - радио. Перед мировой войной электросвязь уже представляла собой важнейшую часть российской инфраструктуры и самостоятельную отрасль информационных коммуникаций. Так, в 1911 г. в России насчитывалось 11,2 тыс. учреждений связи, телеграфные сообщения оставались самыми протяженными в Европе, телеграфный обмен империи составил 217,3 млн. телеграмм. Информационные потребности населения и властей обслуживали более 71,8 тыс. связистов. Из них 40,2 тыс. занимали должности телеграфистов, механиков, начальников учреждений связи, почтовых служащих, радистов и телефонистов. 31,7 тыс. являлись т.н. нижними служащими (сторожа, разносчики телеграмм, уборщики контор и др.). Как работали и жили российские связисты на рубеже XIX/XX вв.?

В советской историографии утвердился тезис о чрезмерной эксплуатации связистов, которая и стала главной причиной их участия в русских революциях, особенно во всероссийской стачке почтово-телеграфных работников, которая потрясла основы самодержавия осенью 1905 г. Автором этой концепции стал молодой историк (впоследствии профессор МГУ) К. Базилевич, который еще в середине 1920 -х гг. написал несколько интересных монографий о быте и участии связистов в революциях 1905 -1907 и 1917 гг.

Сегодня в исследованиях по истории связи преобладают иные оценки. На волне воспевания дореволюционной России, в краеведческих и журналистских публикациях постоянно воспроизводятся панегирические оценки достижений отечественной связи и описания прекрасного быта связистов. Не претендуя на полноту изложения мы попытаемся проанализировать особенности труда и быта в почтово-телеграфном ведомстве России во второй половине XIX- начале XX вв.

Вся государственная связь входила в состав министерства внутренних дел. Территория огромной страны делилась на почтово-телеграфные округа, которые включали по несколько губерний, в округах действовали губернские и уездные почтово-телеграфные конторы. В сельской местности - почтово-телеграфные отделения. Чуть более половины служащих в них являлись чиновниками МВД и принадлежали к чиновному миру Российской империи. Несмотря на мундир, в социальной структуре Российского общества связисты занимали промежуточное положение между чиновниками, технической интеллигенцией и пролетариатом. Такое специфическое положение наложило отпечаток на их повседневные поведенческие коды и ментальность.

Выделим ряд принципиальных особенностей труда в учреждениях связи. Прежде всего, отметим высокую информированность связистов. В то время как основная масса населения рабочих поселков и крестьянства жила передачей устных новостей (слухами), в среде связистов правдивая информация играла главенствующую роль. Это объяснялось телеграфной передачей новостей. По информативности только печатники и работники типографий поднимались до уровня связистов. Последнее заметно выделяло связистов из массы представителей провинциального общества, поскольку они, как правило, знали обо всех событиях раньше и лучше других.

Особыми оставались и условия их труда. С одной стороны, труд был монотонным, и по физическим усилиям, не уступал труду рабочих-станочников. С другой – требовал технических знаний, определенного культурного уровня. Неслучайно, первыми условиями приема в кандидаты на должность телеграфиста были: 4-х классное (предпочтительно, гимназическое) образование, первичный навык работы с документами, здоровье и психологическая готовность работать за аппаратами в течение длительных смен. По сути, электросвязь и железные дороги стали первыми отраслями отечественной экономики, где наиболее отчетливо проявились черты нового типа труда – труда индустриального.

Связисты и железнодорожники работали с минимумом выходных и праздничных дней, по суточному непрерывному графику и по единому для всех учреждений связи времени (Петербургскому временному поясу). По подсчетам историка Б.Н. Миронова русский крестьянин работал 200 дней в году, рабочий в начале XX в. – 257 дней. Это было значительно меньше, чем в Западной Европе, где модель фабричного труда в 308 дней утвердилась уже к середине XIX в. По мнению исследователя, невысокая продолжительность годового цикла труда на русских фабриках – являлось одним из пережитков доиндустриальной эпохи и традиционной трудовой этики. Учреждения связи были открыты 360 дней в году, из них 25 дней они работали по сокращенному графику.

Работники телеграфов и телефонных станций трудились по непрерывной системе дневных и ночных дежурств и скользящему графику выходных дней. По правилам ГУПиТ, нерабочими днями считались: два дня во время встречи Нового года, первый день Пасхи, День Благовещения ( 25 марта), День Рождества Христова и День тезоименитства Государя. Еще 25 дней учреждения связи работали по два часа в сутки. Двухчасовой рабочий день выпадал на важные православные праздники и дни

тезоименитства членов царской семьи. Предпраздничные и все праздничные дни оставались самыми напряженными, связисты называли их "проклятыми днями", т.к. в это время телеграфный и почтовый объем возрастал втрое. "Дни перед Пасхой или Рождеством были кошмаром, - вспоминал телеграфист Пермской ПТК А. Добрынин, - даже в ночную смену приходилось трудиться больше обычного, чтобы разобрать и передать по проводам завалы корреспонденции". Рабочий график телеграфных контор составлялся из расчета трех суток (72 часов). В ходе их телеграфист должен был отработать одно дежурство в полные сутки (24 часа) и два - по 8-16 часов. В первом случае, по окончании дежурства, двое суток считались выходными, во втором - отдых продолжался одни сутки. Для несения дежурств, все служащие делились на три смены, и при работе одной - две другие отдыхали. Особенности организации таких смен хорошо раскрыл участник первой русской революции, телеграфист А. Саблин. "Дежурство начиналось в 6 часов утра, - писал он в своих воспоминаниях, - и продолжалось до 14-00. Затем был перерыв и отдых на обед до 19-00 часов вечера. С 19-00 вечера до 8-00 утра заступали на новое (ночное) дежурство". После такой напряженной работы человек приходил домой только чтобы отоспаться, падал на постель и спал мертвым сном, часто даже не обедал. Вечером он приходил в себя, голова его была, как котел, и трогать его не рекомендовалось, он "кусался". Наиболее тяжелыми были ночные дежурства. Работники в это время получали такую нервную усталость, что следы ее врачи обнаруживали и на 4 сутки после окончания работы. Но в это время телеграфист, как правило, уже работал в новой ночной смене. В результате копилось перенапряжение. Об этом же писал и механик Екатеринбургского телеграфа в начале XX в. А.П. Байдаков. "Свободного времени не было, - вспоминал он в мемуарах, - график дежурств был установлен жесткий: для слабых проводов (т.е. местных линий) - 16 часов (2 смены в сутки) и 18 часов отдыха. Для сильных проводов (транзитных магистралей) - 24 часа и двое суток отдыха". В первом случае дежурили 360 часов в месяц, во втором - 240 часов. По уточненным расчетам, которые провели специалисты наркома почт и телеграфов в сер. 1920-х гг., до революции средний рабочий день телеграфиста имел продолжительность 9,8 часов, а почтальона - 10,3 часа.

Второй отличительной чертой работы связистов стали высокая интенсификация производственного процесса, монотонность и значительные физические усилия. Для труда телеграфистов были характерны однообразие движений и постоянное напряжение мышечных групп спины и рук, плечевого пояса. Служба в плохо освещенных телеграфных залах отрицательно влияла на зрение, а работа на телеграфных аппаратах клопфера и ручных телефонных вызовах способствовала быстрому снижению слуха у клопферистов и телефонисток. При этом оставались постоянное требование в скорости передачи, зависимость от аппарата и товарища по смене - все это вело к нервному и физическому истощению. К этому надо добавить, что связисты работали в условиях постоянного шума телеграфных аппаратов, тусклом освещении керосиновых ламп-коптилок, в пыли и копоти. При работе на телеграфных аппаратах с механическими приводами, которые существовали в России в начале XX в., юзисты и бодисты каждые 5-7 минут вынуждены были поднимать тяжелые гири, чтобы заводить движущий механизм аппарата юза или бодо. Морзисты и уинстонисты - вращать специальную ручку завода аппаратов морзе и уинстона. Физические усилия, которые затрачивались при этом, полностью выматывали работников к концу смены. Не случайно, что на телеграфных аппаратах юза и уинстона, которые требовали больших физических нагрузок, работали только мужчины, на морзе, где физические усилия были меньшими - женщины.

Провинциальные конторы, как правило, располагались в непригодных помещениях, где рабочее место телеграфиста было отделено от посетителей только решеткой. В течение смены он выслушивал крики, мольбы и ругань публики, и это при плохом освещении, спертом воздухе, сырых стенах, гнилых крышах и полах. "Наши почтово-телеграфные отделения малы, - с горечью говорил с трибуны Госудумы депутат от Тобольской губернии Дзюбинский, - они не приспособлены для работников и публики, даже городские отделения освещаются керосиновыми лампами. Помещения грязные, темные, сырые. Публика не может писать телеграмму, т.к. нет места. Телеграфисты уходят из-за опасности потерять зрение".

Не легче была работа и на телефонных сетях. Соединение абонентов осуществлялось вручную. На работу принимались девушки и вдовы не ниже 160 см. роста, чтобы они могли дотянуться до верхних гнезд коммутатора. В течение 8 часовой смены они носили тяжелую телефонную гарнитуру и осуществляли до 170 абонентских соединений в час. Это требовало таких нервных и физических усилий, что редко кто из "телефонных барышень" мог их вынести. "Девушки вынуждены отказываться от места", - писал корреспондент столичной газеты. В провинциальных (в т.ч. в уральских губернских и крупных уездных) городах интенсивность соединений была меньше, чем на столичных ГТС, но и здесь она оставалась весьма высокой. В Перми, Челябинске, Екатеринбурге, Тюмени, Вятке "телефонные барышни" в 1908-1919 гг. в среднем осуществляли до 90-100 соединений в час. По отзывам администрации пермского почтово-телеграфного округа, нагрузка на работников ГТС губернских городов Урала доходила до предельно допустимой.

Интенсивный труд мы наблюдаем и на почте. Так, в г. Уфе в конце XIX в., день почтового служащего распределялся следующим образом. С 8-00 до 10-00 утра - разноска корреспонденции, с 10-00 до 12-00 часов - ее сортировка, с 12 до 19-00 вторая разноска, с 19-00 до 21-00 часа - сортировка и подготовка корреспонденции на вечерние поезда. На всю Уфу полагалось 6 почтальонов, и чтобы

обойти свои почтовые участки, они ежедневно проходили по 25-30 верст. На тяжелую работу почтовиков обращали внимание и депутаты Госдумы. Так, депутат от Пермской губернии в III Госдуме Егоров специально отметил, что работа почтовых служащих даже в небольших рабочих поселках и городах края тяжела, не в пример другим профессиям. В заводском поселке Салда Пермской губернии (ныне г. Салда Свердловской области) проживало 20 тыс. жителей и было одно почтово-телеграфное отделение с 3 работниками. Они, по мнению депутата, не могли даже вздохнуть свободно: с 8-00 до 14-00 часов сортировали и разносили корреспонденцию. В 15-00 приходил алапаевский, а в 15-30 тагильский поезда, которые привозили и увозили из Салды почтовые отправления, с 15-00 до 17-00 часов шла новая сортировка, с 17-00 до 19-00 часов – прием публики. Фактически каждый день все сотрудники трудились по 12-14 часов. На предельные производственные нагрузки в учреждения связи постоянно обращали внимание и уральские статистики. Интенсивность труда в отрасли связи заметно превосходила нагрузки в строительстве и промышленности. По расчетам историка Б.Н. Миронова на рубеже XIX-XX вв. наименее производительный труд оставался в сельском хозяйстве. Труд в промышленности был эффективнее деревенского в 3 раза, в торговле – в 4, в строительстве – в 6 раз. Интенсивность труда на транспорте и в связи превосходила сельский в 7,7 раз. Такая высокая интенсификация в отрасли связи ложилась тяжелым бременем на связистов, в тоже время это являлось показателем быстро формирующихся индустриальных отношений в транспортно-информационной инфраструктуре.

Пресса, а вслед за ней, и депутаты Государственных дум постоянно обвиняли государство в том, что на предприятиях связи России царит государственная эксплуатация, а связисты стали рабами. В критике правительственной политики по отношению к почтово-телеграфным служащим преуспели и правые, и левые. Так, один из лидеров правых фракций в 3 Думе, М. Пуришкевич в 1908 г. открыто заявил с думской трибуны, что тяжелое положение почтово-телеграфных чиновников недостойно высокого положения России, как Великого государства.

При этом, те же депутаты III Госдумы обратили внимание и на то, что текучесть на предприятиях связи на порядок ниже, чем в промышленности и железнодорожном транспорте. "Положение связистов тяжелое - говорил с трибуны Госдумы депутат от Волынской губернии, Березовский, - но никто из чиновников ведомства не бросает работу, и не идет на завод". Действительно, в начале XX в. отрасль располагала стабильными кадрами со средним стажем около 10 лет. Более того, в это время, желающих работать в почтово-телеграфном ведомстве было много. Кандидаты на должности чиновников были согласны долгое время работать учениками и ждать свободных вакансий, а чиновники не спешили выходить на пенсию по выслуге 25 летнего стажа. Объяснить несоответствие между тяжелыми условиями труда и стабильностью кадров в учреждениях связи мы попытаемся в последующих публикациях.

1. Почтово - телеграфная статистика за 1911 г., с кратким обзором деятельности почтово - телеграфного ведомства за тот же год. Пг. 1916, сс. XVI, XXIX, 8-9.
2. Базилевич К.В. Работники связи в годы реакции (1907-1916 гг.). М., 1929, Его же. Основные моменты профессионального движения работников связи 1905-1906 гг. М., 1926; Его же. Профессиональное движение работников связи (1917-1918 гг.). М., 1927, и др.
3. Миронов Б.Н. Дал Бог работу, да отнял черт охоту. // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. / Редкол.: К.М.Андерсон, Л.И. Бородин. (отв. ред.) и др.; - М.: РОССПЭН, 1999. с. 240, 251.
4. Расчет праздничных дней работы связистов по: Уральский торгово - промышленный календарь на 1914 г. Район: Пермская, Оренбургская, Уфимская, Вятская губернии. Пермь.: Перм. губ. правление. 1914. с.19.
5. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.258, л.2.
6. Базилевич К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи в 1905 - 1906 гг. с. 30.
7. К вопросу о продолжительности ночного труда работников связи. // Пролетарий связи.- 1925, № 7, с. 349.
8. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.288, л.1.
9. Народная связь в 1924/1925 гг. Отчет о хозяйственной деятельности НКПиТ.- М.: НКПиТ, 1926.- С. 40
10. Марценицен С.И., Новиков В.В. 150 лет отечественному телеграфу (1832-1982 гг.). М., 1982. с.28; К вопросу о продолжительности ночного труда работников связи. с. 701.
11. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д. 442, л.142, 195; ГАПО, ф.110, оп.1, д.89, л.13; "Кама", 1916, 13 февраля.
12. Никитин В. Замужних в должность не брать. // Родина, 1996, № 12. с.102.
13. ГАПО, ф.220, оп.1, д.5, л.5.
14. Базилевич К.В. Указ. соч., с.28; Аюпов Р., Гайсин С. Электросвязь в Башкортостане. От телеграфа до интернета. Уфа, 2001. с.5.
15. ГАПО, ф.110, оп.1, д.89, л.13; "Кама", 1916, 13 февраля.Обзор Тобольской губернии за 1911 г. Тобольск, 1913. с. 18.
16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. ( XVIII - начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: монография в 2-х тт. СПб.: 2000. т1. с. 307.
17. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.442, л.16.
18. Там же. л. 174.

